

ЧИСТОЕ ЗОЛОТО ПОЭЗИИ

К 90-летию со дня рождения Михаила Исаковского

Закатное солнце осветило перелесок. Михаил Васильевич стоял под деревом у дороги. И я подумал, как родственен он травам, березам, полянам — всей земле, возделанной человеческими руками. Недаром о хлебном поле он написал: «Оно как будто говорит со мною, о самом лучшем в жизни говорит».

Мы привыкли повторять, что если в стихотворении слово должно быть из серебра, то в песне — из чистого золота... Немного найдется в двадцатом столетии художников, чье слово так же прочно вошло в сознание и сердце народа, как живая скорбь и живая радость Михаила Исаковского. Едва ли кому в такой степени была присуща песенность исповедальных стихов.

На скромные «Провода в соломе» сочувственной статьей откликнулся Максим Горький. Он писал: «Стихи у него простые, хорошие, очень волнующие своей искренностью... Страдаю пристрастием к стихам, простая форма которых насыщена ценным содержанием».

Поэтика Исаковского, видоизменяясь на большом пути, в сущности оставалась неизменной. Певучие стихи, подхваченные крыльями музыки, полюбила страна. Многие для распространения его поэзии сделал хор русской песни имени Пятницкого. Его тогдашний руководитель Владимир Захаров писал на стихи Исаковского песни, получившие затем огромную известность: «Вдоль деревни», «И кто его знает», «Провожанье». А как полюбилась «На горе — белом-бела — утром вишня расцвела...»

Где бы я ни был в годы войны, повсюду слышал, как проникновенно звучало лирическое слово Исаковского. Любимой песней фронта и тыла была, конечно, «Катюша». Сколько эпизодов с ней связано! Однажды, помнится, солдат, вчерашний школьник, долго корпел над бумажкой. Потом смущенно попросил: «Будь другом, прочитай». Написанное называлось: «Ответ Катюше». Солдат переиначил на свой лад известные строки. Потом он рассказал, что песню выучил еще в довоенную пору со слов отца.

Знарок поэзии Иван Никанорович Розанов собрал, записал и частично опубликовал свыше ста бытовавших вариантов «Катюши». Записи убедительно говорят, что народ считал себя подлинным автором слов о том, как «расцвели яблони и груши...», а создателя стихотворения — выразителем, «пересказчиком» того, что чувствовали, думали, любили безвестные певцы. Но не такова ли вся истинная поэзия?

«Ой, туманы мои, растуманы», «До свиданья, города и хаты...», «В прифронтовом лесу» — в этих песнях поэт выговаривал то, что думал и о чем мечтал народ. Своей глубинной сущностью лирика Исаковского противостояла бесчисленным маскультовским текстам, которые навязывались и предписывались сверху.

Поэзия Исаковского естественна, как дневной свет. В ней есть ощущение родниковой свежести и ясности. Перечитывая строфы, вышедшие из-под пера песнотворца в разные годы, отмечаешь, что ему — по черточкам и метко увиденным штрихам — удалось создать народный лирический характер.

В сорок четвертом, предпоследнем году Исаковский написал о том, что жило в каждом: «А кругом сады белеют, а в садах бушует май, и такой на небе месяц — хоть иголки подбери». О чем говорила раздольная мелодия? О молодости, красоте, весне? Да, разумеется. Но не только. Радость вешнего пробуждения выступала в стихах, хотя об этом и не было сказано, одновременно как предчувствие грядущего. Нежный акварельный свет разлит в строфах, прозрачных и живописных.

Но поэт — эхо народных настроений — не мог не сказать и о том, какой непомерной ценой мы добыли май сорок пятого. Именно в ту пору Исаковский создал лучшее свое стихотворение — «Враги сожгли родную хату...» Написанное по горячим следам в духе народных баллад, пронизанное щемящим чувством горя, стихотворение потрясает и теперь, спустя десятилетия. Ушел на войну человек, ушел от близких, из дома — и что теперь? Ни кола, ни двора. На пепелище родного дома — ни души. Автор нарочито употребляет слова и определения, принятые и устоявшиеся в народной поэзии: «на перекрестке двух дорог», «в широком поле», «трава могильная», «серый камень гробовой», «слеза несбывшихся надежд»... «Вздыхнул солдат, ремень поправил, раскрыл мешок походный свой, бутылку горькую поставил на серый камень гробовой...» Кто из нас в силах не разделить безмерное солдатское горе?

Что послужило поводом для создания баллады? Меня

интересовала первопричина стихотворения, и однажды я спросил об этом у автора.

— Моя родная деревня Глотка, что под Ельней, была войной сожжена, — рассказал Михаил Васильевич. — В нашем Выходском районе уцелело лишь одно селение... Я видел, как возвращались люди на пепелища. Не мог об этом не написать. Стихи долго вынашивал, но родились они сами собою. Я редко привязываю стихи к определенной местности. Меня больше всего интересует человек. Но о чем бы я ни писал, родная Смоленщина — в моем сердце. Я вижу привычные с детства места и лица земляков.

Баллада Исаковского появилась в периодике в сорок шестом, но, угодив в критическое аутодафе, была напечатана с нотами, увы, лишь в начале шестидесятых годов. Распространялась в списках. Ее подхватила едва ли не вся страна. Однако память об отлучении существовала еще долго. В канун семидесятых Михаил Васильевич с горестно рассказывал мне, как песню с объяснительным текстом вынули из верстки журнала. Сегодня мы перечитываем стихотворение и удивленно разводим руками: откуда напасти? В чем дело? Неужели можно всерьез утверждать, что солдат, плачущий на пепелище родной хаты, — выдуман? Разве «так в жизни не бывает»?

Бывает и было. Но сработало, как и прежде, неукоснительное административное правило: «Мы можем петь и смеяться, как дети...»

Поэзия Исаковского — поэзия созидания, поля и деревенской улицы, гармоник, встреч и провожаний. В его стихах человек немислим вне природы, обжитой и навсегда родной. «Поглядишь — глазам не верится: вдаль на целую версту — то ли белая метельца, то ль сады стоят в цвету». Деревенская действительность вновь и вновь звучит

манящей мелодией: «Снова замерло все до рассвета — дверь не скрипнет, не вспыхнет огонь. Только слышно — на улице где-то одинокая бродит гармонь».

Не делала ли моноинтонация ритмы Исаковского несколько однообразными? Да, но только в такой степени, как и само бытие человека, живущего на земле, связанного со сменной времен года, с сельскохозяйственным календарем.

Непрерывно обращаясь к сокровищам устной крестьянской словесности — песням, сказкам, загадкам, пословицам, метким выражениям, — Михаил Васильевич проявлял чувство соразмерности и точности в обращении с народной лексикой. Строго придерживался правила старых мастеров, строивших без предварительного плана: как мера и красота скажут.

Незадолго до смерти Исаковский написал элегию «В дни осени». У стихотворения богатый подтекст, оно заключает в себе целостный художественный мир. Перед нами — единственное и прекрасное прощание с жизнью. Каким титаническим трудом достигнута стихотворная легкость, сколько испытано вариантов, сколько приложено усилий из-за каждого слова. Тут, как говорили в старину, — золотое слово, со слезами смешанное.

Почта приносила Исаковскому множество писем. Писали крестьяне, студенты, рабочие, войны, начинающие литераторы. Гордился Михаил Васильевич дружбой с поэтами Украины и Белоруссии, переводил с осетинского, венгерского, итальянского... И сегодня, полные нежности и искренности, звучат его переложения: «Бродили мы и пели, и с песней ты цвела. Александрина, помнишь, какая ты была!»

Поэт, подчеркивавший, что навсегда остался деревенским, старался во всем помогать людям. Труднее всего было тогда защищать крестьян, но при всех своих слабых физических возможностях (довольно часто мучили недомогания) Исаковский делал, что мог. Например, побывав в Слободском районе вместе с Николаем Рыленковым, написал энергичное письмо в Смоленский обком партии, прося и требуя выделения для села положенного процента заготовленного сена.

Он был взыскательным и требовательным человеком, говорившим правду, как бы она горька ни была. В 1968 году на страницах журнала «Вопросы литературы» Исаковский напечатал статью «Доколе?.. О стихах и талантах», в которой с горечью обратил внимание на инфляцию сти-

ха, — она проявилась в ту пору во множестве графоманских и полуграфоманских сборников. Прислушаемся же наконец к его убедительным доводам: «К сожалению, у нас много людей (в том числе среди поэтов), которые в чрезмерном обилии бумаги, заполненной стихами, видят только рост нашей поэзии и ничего другого: мол, поэзия поднялась на новую ступень, мы стали писать лучше, чем, предположим, до войны, стихотворные сборники расходятся чуть ли не в один день и т. д. и т. п. Все это было бы просто замечательно, если бы мы порой не обманывали самих себя, если бы в этом была нужная доля трезвой и объективной правды. Но ее-то, этой правды, как раз и нет. Непомерное обилие стихов — это, к большому моему огорчению, вовсе не рост нашей поэзии. Это инфляция поэзии, ее обесценивание».

Когда после смерти автора выпускали собрание сочинений Исаковского, статья «Доколе?..» исчезла из очередной книги. А тем временем размышления поэта были перепечатаны во многих странах мира как необходимые и поучительные.

Литературная биография Исаковского не полна, если не вспомнить «Сказку о Правде», не увидевшую свет при жизни поэта. Напечатанная в наши дни, в канун девятидесяти годов, она достойно венчает пройденный путь. Вечный как мир сюжет: поиски Правды, которая неведь куда подевалась. Но настоящее горе обнаружилось лишь тогда, когда крестьяне увидели, какой старой и неказистой оказалась Правда.

Перечитывая в давней полжелезистой верстке «Нового мира» сказку Исаковского, я вспоминал, что Михаил Васильевич в наших долгих беседах горячо поддерживал Твардовского, напечатывавшего Александра Солженицына. Ведь Солженицын, говорил поэт, написал о том, что прошло через всю нашу жизнь.

Сегодня в словесности многое выглядит иначе, чем в недавнем прошлом. Мы радуемся возвращению в духовную сферу имен «серебряного века», замалчивавшихся годами с фанатичным упорством. Жизнь одновременно показала, что Михаил Васильевич и его содружам — Николаю Рыленкову и Александру Твардовскому — удалось основать мощное направление, названное смоленской поэтической школой. Это направление живет и развивается. И по-прежнему мир отзывчив на песню, чуток к слову, которое всем мило, как белый свет.

Евгений ОСЕТРОВ.